Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Петра и Капрал. Атака титанов

Он специально вышел из помещения, где ему было уже нестерпимо душно и одиноко. Да, ему было одиноко и скучно среди всех этих бодрых и веселых от хмеля людей. Тем более там не было Петры. Он не знал, почему она не пришла, да он и не думал, что она имеет какое-то влияние на него, но теперь, когда ее не было рядом, ему стало до боли тесно внутри трактира и захотелось почувствовать прохладный и морозный воздух октября. Гогот пьянствующих заглушал дождь, поэтому, когда он вышел на улицу, он неожиданно для себя тут же промок под сильным ливнем. Какого черта ему вообще взбрендило в голову покидать трактир, он теперь не понимал. Теперь ему было холодно до дрожи, а мысли о Петре так и не покинули его.

Холодный подоконник, на котором она сидела, хоть и не согревал ни тело, ни душу, но способствовал размышлениям, помогал привести мысли в порядок. Теперь это было необходимо. От прохлады и тонких струек ветра, вырывавшихся из щелей между рамами, Петру спасал теплый вязаный белой шерстью плед. Она слушала монотонную дробь дождя, смотрела в окно, туда, где бушевала стихия. Все ее мысли были заняты такими уже привычными девичьими раздумьями о любви. Днем она могла позволить себе не думать о таких вещах, но вечером остановить поток тревожных мыслей было уже не возможно. Капрал Леви. Этот человек снился ей ночью, о нем она мечтала вечерами, с ним хотела просыпаться по утрам и с ним же разделять каждый счастливый и грустный день. Она любила тихо и молчаливо, но таких сильных чувств не испытывал никто другой никогда прежде. Неожиданно скрип открывающейся двери вернул ее обратно в реальный мир, который теперь казался таким далеким и неинтересным.

Петра сегодня не хотела никуда идти, но она и не ждала, что кто-то придет к ней. Оглянувшись, она увидела вошедшего и теперь не могла не улыбнуться. Капрал тоже непроизвольно улыбнулся, хотя и немного вымученно: кроме того, что он промок и продрог до костей, он был измотан прошедшим днем, и чувством одиночества, так угнетавшим его все это время. На полу под ним уже образовалась лужа дождевой воды.

Ты не пришла сегодня.

Вы правы, капрал. Я слишком устала.

Разве небольшой праздник не расслабил бы тебя?

Я только заметила, вы так промокли! Возьмите мой чай! — воскликнула Петра, пытаясь одновременно уйти от ответа и как-то помочь этому человеку перед ней, которого она так нежно любила. Она вскочила с подоконника с кружкой уже остывшего чая. Плед упал на пол, оголив ее небольшие хрупкие плечи, часть ног ниже колен, руки. Ее тело прикрывала ночная хлопковая сорочка, светлые волосы упали на плечи, босые ноги, ступая по шершавым доскам, уже ринулись к нему на встречу.

Возьмите, не стесняйтесь. Вы наверняка замерзли, капрал. Возьмите плед тоже, — уже тише сказала Петра, указав свободной рукой в сторону, где на полу лежал плед, а другой пихая ему в окоченевшие руки чашку холодного чая. Капрал инстинктивно взял чашку, оказавшуюся уже даже не теплой, однако тут же поставил ее на стоявший рядом комод. Она теперь была так близко, что он мог почувствовать аромат ее теплого тела. Петра подошла ближе, ее ноги ступили на мокрую поверхность бревенчатого пола, она не могла свести глаз с него. Так

близко. Ее одолел соблазн дотронуться до него: неужели не сон, неужели он и правда так смотрит на нее. Или может она просто воображает себе это. Неожиданно она засмущалась, постыдившись своего поведения, совершенно не подобающего в подобной ситуации. Она опустила взгляд и сделала шаг назад.

Извините, мне стоит одеться. Здесь становится прохладно.

Нет, стой, — капрал схватил ее оголенную руку и почувствовал, как по ее телу пробежала мурашки то ли от холода, то ли от любви. Через хлопок сорочки едва просвечивали очертания тела Петры, ее талия, бедра, грудь. Одно прикосновение в мгновение перевернуло их миры, они больше не могли сдерживать себя. Он резко притянул ее к себе, и страстно прижался к ее губам. Незаметно для них обоих его кожаная куртка разведотряда оказалась на полу. Он чувствовал тепло ее кожи, ее горячие руки, шелковистые волосы. Ее губы были такими сладкими для него, такими желанными. Петра ничего уже не могла с собой поделать. Она не чувствовала ничего подобного прежде: они будто слились воедино, ее горячее тело и его холодное, мокрое; ее хрупкие, светлые руки и его сильные, крепкие; ее губы и его. Они оба не ощущали никакой вины, никакого смятения или стеснения. Чувства овладели ими полностью и целиком и не было другого пути, кроме как отдаться этим чувствам без сожаления. За окном шумел дождь, раскаты грома заставляли содрогаться стены брусчатого дома, а молнии лишь на пару мгновений иногда освещали комнату, в которой мужчина и женщина впервые так страстно любили.